

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ

DOI: 10.15838/tdi.2022.2.62.9

УДК 314.72 | ББК 60.7

© Соколова А.А.

ВОЗВРАТНАЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИИ: МАСШТАБЫ И ТЕНДЕНЦИИ

АНАСТАСИЯ АЛЕКСЕЕВНА СОКОЛОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: anastasia.alekseevna.ran@yandex.ru

ORCID: [0000-0001-5434-8094](https://orcid.org/0000-0001-5434-8094)

Одной из ведущих причин мобильности населения является трудовая миграция. Возвратные виды трудовой миграции могут выступать в качестве инструмента снижения территориальных различий на рынке труда, а также повышения однородности социально-экономического развития субъектов РФ. Изучение возвратной трудовой миграции – необходимое условие устойчивого развития территорий. Цель, поставленная в статье, заключается в анализе внутренней межрегиональной трудовой миграции в России, ее масштабов и параметров потоков. Исследование проведено на основе статистических данных о миграционном движении, предоставленных Федеральной службой государственной статистики Российской Федерации. Росстат ведет наблюдения передвижений трудовых мигрантов между субъектами РФ начиная с 2011 года. С 2013 года им учитывается информация о периодичности возвращения трудовых мигрантов на постоянное место жительства. В результате проведенного исследования выявлено, что начиная с 2013 года число внутренних межрегиональных трудовых мигрантов увеличилось. Для половой структуры межрегиональных внутренних трудовых мигрантов характерна диспропорция: число мужчин превышает количество женщин. В целом наиболее распространены ежедневные трудовые межрегиональные передвижения, а также возвращения на постоянное место жительства с периодичностью реже одного раза в месяц. Женщины чаще совершают ежедневные поездки на работу в другие субъекты РФ, а мужчины в большей мере практикуют возвращение домой реже одного раза в месяц. Выделены две группы федеральных округов: к первой группе относятся федеральные округа, в которых наблюдается положительное сальдо внутренней трудовой межрегиональной миграции, что может означать их большую территориальную привлекательность для внутренних межрегиональных трудовых мигрантов; вторая группа отличается превышением числа выбывающих на работу в другие субъекты над количеством въезжающих, следовательно, внутренние межрегиональные трудовые мигранты не закрепляются в данных федеральных округах и не создают устойчивые рабочие связи.

Миграция, возвратная миграция, временная миграция, внутренняя миграция, межрегиональная трудовая миграция, вахтовый метод, маятниковая миграция.

Введение

Возвратная трудовая миграция – сложное и комплексное явление, затрагивающее все уровни общественной жизни. Она трансформирует систему расселения, влияет на формирование демографической структуры, кадровый потенциал региональной экономики и процессы социального развития территории. С одной стороны, такой вид миграции можно назвать маркером уровня социально-экономического развития региона и эффективности размещения отраслей производства в разных субъектах страны (Зенченко, Вартанова, 2013); с другой стороны, он выступает как реакция адаптации миграционного поведения населения к сложившимся условиям и явлениям в сферах труда и занятости (Ахметова, 2022), а также в качестве продуманной стратегии индивида, обеспечивающей его самого и его семью доходом (Cassarino, 2004).

Выезжая на работу в другие регионы, население проявляет гибкость в отношении трудовой занятости. Предпосылками к межрегиональной трудовой миграции могут служить увеличение протяженности автомобильных дорог, улучшение их качества, а также неравномерность рынка труда в разных муниципальных образованиях и все более ярко выраженная разница в уровнях благосостояния населения.

Вопросами возвратной трудовой миграции, в частности вахтового метода организации труда, отходничества и маятниковой миграции, занимались такие отечественные ученые, как Т.И. Заславская (Заславская, 1969), Л.Б. Карачурина (Карачурина, Мкртчян, 2016), В.Н. Лексин (Лексин, 2021), Н.В. Мкртчян и Ю.Ф. Флоринская (Мкртчян, Флоринская, 2019), Т.Г. Нефедова (Аверкиева и др., 2016), Ю.М. Плюснин (Плюснин, 2019), С.В. Рязанцев (Рязанцев, 2014), В.М. Таборисская (Таборисская, 1979), Б.С. Хорев (Хорев и др., 1970), Ю.Ю. Шитова (Шитова, 2016) и др.

Цель исследования – анализ внутренней межрегиональной трудовой миграции в России, ее масштабов и параметров потоков. В ходе работы были поставлены и решены следующие задачи: категоризация и определение параметров учета возвратной трудовой миграции; изучение динамики периодичности возвращения домой трудовых мигрантов; исследование демографических характеристик возвратных трудовых мигрантов.

В рамках рассмотрения возвратной трудовой миграции проблема заключается в разночтении при идентификации данного явления и его видов. Сложность изучения возвратной трудовой миграции обосновывается и отсутствием достаточного количества статистической информации, касающейся подобных перемещений.

Статистические данные, касающиеся исследуемых параметров, имеют весьма ограниченный характер. В статье использованы материалы выборочного обследования рабочей силы¹, позволяющие оценить явление межрегиональной трудовой миграции в масштабах страны и отражающие некоторую динамику по периодичности возвращения межрегиональных трудовых мигрантов на постоянное место жительства. Всего в обследовании представлено четыре вида периодичности возвращений: ежедневно, один раз в неделю, один или два раза в месяц и реже одного раза в месяц.

В ходе исследования понятия «межрегиональные трудовые мигранты» и «возвратные трудовые мигранты» используются нами как тождественные, потому что учитываются мигранты, которые совершают перемещения с целью работы в другие субъекты и которые возвращаются с различной периодичностью на постоянное место жительства.

Возникает вопрос: можно ли идентифицировать вид возвратной миграции межрегиональных трудовых мигрантов, исходя

¹ Итоги выборочного обследования рабочей силы / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения 22.08.2022).

только из периодичности их возвращения к месту жительства?

К примеру, Трудовой кодекс Российской Федерации не устанавливает минимальные сроки работы вахтовым методом. В статье 299 ТК РФ указана только максимальная продолжительность работы подобным способом – не более одного месяца, но при согласии выборного органа первичной профсоюзной организации продолжительность вахты может быть увеличена работодателем до трех месяцев². Кроме того, у вахты есть ряд законодательно закрепленных признаков, ее характеризующих, что, несомненно, облегчает понимание этого процесса. Трудовые отношения подобного рода подразумевают проживание в специально создаваемых или арендуемых работодателем вахтовых поселках или иных жилых помещениях и организацию специального режима труда и отдыха. Вахтовые рабочие, как правило, совершают ежедневные поездки на работу, но не из «дома», а из места проживания, организованного работодателем (Акишина, Фанненштиль, 2013).

Ситуация кажется еще более запутанной в случае с маятниковой миграцией. Отечественные авторы придерживаются разных мнений о периодичности возвращения работающего на постоянное место жительства: это могут быть ежедневные возвращения, передвижения с периодичностью от двух до пяти дней (Бедрина и др., 2018), еженедельные возвращения³ или раз в несколько месяцев (Акишина, 2013). Законодательно закрепленных признаков маятниковой миграции не существует. Некоторые авторы выделяют в качестве ее признаков регулярность⁴, повторяемость⁵ (Zelinsky, 1971), пересечение территориально-административных границ населенного пункта⁶, в котором проживает

маятниковый мигрант. Такие работники в отличие от вахтовиков чаще всего попадают под общие условия организации режима труда и отдыха, имеют типовую форму трудового договора, что никак не выделяет их среди других работников. Таким образом, мы видим, что фактор периодичности возвращения не является самодостаточным и не может выступать в качестве идентификатора вида возвратной миграции. Скорее, он дает определенную информацию о поведенческих паттернах возвратных мигрантов, которая может быть информативна при формировании агломераций, транспортной и инженерной инфраструктуры.

В практике зарубежных стран присутствует отличная от отечественной система взглядов на возвратные виды миграции, существует понятие «long-distance commuting (LDC)», которое понимается как мобильность работников, имеющих место работы и проживания в отдаленных географических районах. Для LCD характерна цикличность выезда в регион работы, пребывания в районе работы в течение нескольких дней с последующим возвращением в регион проживания для отдыха (Nicholas, Welters, 2017). Такая форма мобильности применяется в горно- и нефтедобывающей промышленности (Pérez-Trujillo et al., 2020), а также в сфере строительства (Öhman, Lindgreen, 2003).

Так, для обозначения вахты в горно- и нефтедобывающей промышленности Канады и Австралии используются схемы поездок на работу «FIFO» (fly-in/fly-out) (Storey, 2001), «DIDO» (drive-in/drive-out) (Paredes et al., 2017), «BIBO» (bus-in/bus-out) (McKenzie, 2016), которые можно охарактеризовать как метод трудоустройства людей в отдаленных районах путем их временного перемещения на место работы вместо постоянного пере-

² Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683

³ Юдина Т.Н. (2007). Миграция: словарь основных терминов: учеб. пособие. Москва: Изд-во РГСУ: Академический проект. 472 с.

⁴ Афонин М.В. (2013). Миграционные процессы в современном городе: учеб. пособие. Ярославль: ЯРГУ. 108 с.

⁵ Vadean F.P., Piracha M. (2009). Circular migration or permanent return: What determines different forms of migration? IZA discussion paper № 4287. URL: <http://anon?ftp.iza.org/dp4287.pdf> (accessed 20.08.2022).

⁶ Юдина Т.Н. (2007). Миграция: словарь основных терминов: учеб. пособие. Москва: Издательство РГСУ: Академический проект. 472 с.

мещения сотрудников и членов их семей (Соколова, Лялина, 2021). Для идентификации таких работников используются данные переписи и исследований рабочей силы, например Labour Force Survey (LFS)⁷. Этот опрос проходит раз в пять лет, он целенаправленно не занимается вопросами данного вида занятости, а является косвенным источником получения данных. Существуют и специальные крупные опросы по типу FIFO Life Survey⁸, в рамках которых изучается именно рассматриваемая категория работников и затрагиваются многие сферы, например демографические характеристики вахтовиков, организация их режима труда и отдыха, состояние здоровья, уровень удовлетворенности работой и жизнью. Однако подобный способ является весьма высокзатратным и используется нерегулярно.

В англоязычной литературе наиболее близким термином, отражающим сущность маятниковой миграции, выступает термин «commuting», который в целом обозначает поездки на работу продолжительностью не менее 45 минут в одном направлении (Costa et al., 1988). Учет подобного вида перемещений в странах Европейского союза осуществляется посредством EU Labour Force Survey⁹. Данный опрос включает блок вопросов, которые позволяют получить информацию о расстоянии и времени до работы, виде используемого транспорта, поле и возрасте людей, совершающих длительные поездки до места работы. В США начиная с 2000 года проводится American Community Survey (ACS). Он проходит ежегодно и аккумулирует данные о том, какими транспортными средствами пользуются респонденты, для того чтобы добраться до места работы,

сколько они тратят времени на дорогу и когда покидают рабочее место (Rae, 2015). Восприятие маятниковой миграции через призму зарубежного понятия «commuting» несколько изменяет понимание природы трудовой мобильности работающих: в подобных перемещениях межрегиональные мигранты не меняют место постоянного жительства, а совершают регулярные ежедневные движения к месту работы. В зарубежных источниках иногда такая пространственная мобильность населения воспринимается как серия «неудачных» миграций, когда мигранты не могут закрепиться в месте назначения. В значительной степени эта очевидная «неудача» может быть вызвана тем, что межрегиональные мигранты не поглощены рынком труда или не имеют доступа к рынку недвижимости в агломерационном ядре¹⁰.

Явление возвратной трудовой миграции трактуется в отечественной и зарубежной литературе по-разному – от репатриации (Baptista et al., 2017) и возвращения в место своего постоянного проживания после долгого отсутствия (Габдрафикова, 2018; Цыренов, Мадиева, 2017) до результата неудачного миграционного опыта, который не принес ожидаемой пользы от миграции (Cassarino, 2004). Поскольку мы основывались на данных выборочного обследования рабочей силы¹¹, то придерживались мнения о том, что возвратная трудовая миграция – это миграционные перемещения, которые связаны с работой вне места постоянного проживания и осуществляются с различной периодичностью (Батырева, 2017). Подобное определение и сами статистические материалы не позволяют нам вычленить конкретные виды возвратной миграции, которую

⁷ Fly-in fly-out (FIFO) workers / Australian Bureau of Statistics. URL: <https://www.abs.gov.au/ausstats/abs@.nsf/products/8DBA196E5D5C2BCA2575E70019CD88?OpenDocument>

⁸ FIFO life survey / A survey of the long distance commuting workforce. URL: <https://documents.parliament.qld.gov.au/committees/IPNRC/2015/FIFO/02-aqon3-25Jun2015.pdf>

⁹ EU labor force survey / Eurostat Statistics Explained. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=EU_labour_force_survey

¹⁰ Barclay M.A., Harris J., Everingham J. [et al.] (2013). Factors linked to the well-being of fly-in fly-out (FIFO) workers. Research report, CSRM and MISHC, Sustainable minerals institute, University of Queensland: Brisbane, Australia. URL: <https://www.csrn.uq.edu.au/publications/factors-linked-to-the-well-being-of-fly-in-fly-out-fifo-workers>

¹¹ Итоги выборочного обследования рабочей силы / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения 22.08.2022).

можно назвать «новым отходничеством» (Жидкевич, 2017) – понятием, вбирающим в себя все разновидности подобных перемещений: от вахты до маятниковой миграции.

Возвратные виды трудовой миграции характеризуются обязательным возвращением к месту проживания трудового мигранта после осуществления им трудовой деятельности. Маятниковые трудовые мигранты и трудовые мигранты, работающие вахтовым методом, могут совершать ежедневные поездки и пересекать территориально-административные границы населенного пункта, но специфика таких поездок будет разной. Это обуславливается тем, что у каждого вида возвратной трудовой миграции есть свои характерные признаки. Так, для вахтовой организации труда они законодательно закреплены и включают в себя максимально установленный срок вахты, организацию работодателем проезда и проживания трудового мигранта и особую форму трудового договора. Таким образом, вахтовый рабочий пересекает территориально-административные границы населенного пункта, в котором имеет постоянное место жительства, для того чтобы добраться до места основной работы за счет средств работодателя, а затем совершает ежедневные поездки на работу из «временного» места проживания, которое также организовано работодателем. В случае маятниковой миграции трудовой мигрант будет пресекать границу территориально-административного пункта, где он постоянно проживает, и использовать свои денежные средства для оплаты проезда на работу и домой. Для маятниковой трудовой миграции нет законодательно закрепленных признаков и не существует особой формы трудового договора, что вносит сложности в учет данного явления.

Взглянуть на динамику возвратной трудовой миграции в РФ, проанализировать некоторые элементы портрета возвратного трудового мигранта можно, используя данные выборочного обследования рабочей

силы¹². Данная информативная база не раскрывает процессы внутри самих субъектов РФ, поскольку подобного рода перемещения сложно зафиксировать. Поэтому назревает потребность в дополнении статистической информации новыми методами учета возвратных трудовых мигрантов. Внедрение на предприятиях установленной формы отчетности с последующим отправлением ее в органы службы занятости могло бы внести некоторую ясность в понимание возвратных видов миграции. Подобный вид учета может дать информацию о видах и форме занятости, социально-демографическом портрете возвратного мигранта, включив такие данные, как пол, возраст, уровень образования, род деятельности, опыт работы и т. д. Эти данные позволили бы получить информацию о дефиците или переизбытке кадров в том или ином регионе или районе субъекта, планировать размещение производственных площадок. Подобный вариант учета решил бы проблему «невидимости» внутрирегиональных трудовых мигрантов, которые работают в населенных пунктах, отличных от места своего проживания, и межрегиональных мигрантов, поскольку многие из них имеют статус трудозанятого не в регионе постоянного проживания, а в другом субъекте России, где осуществляют трудовую деятельность (Туракаев, 2021).

Эмпирическая база и методы исследования

В ходе работы нами применялись общенаучные методы синтеза, индукции, дедукции, систематизации и обобщения, в том числе сравнительный анализ. Информационную базу исследования составили статистические данные о миграционном движении и демографических параметрах мигрантов, представленные Федеральной службой государственной статистики Российской Федерации, а именно материалы бюллетеня «Итоги обследования рабочей силы»¹³. Росстат ведет наблюдения передвижений тру-

¹² Итоги выборочного обследования рабочей силы / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения 22.08.2022).

¹³ Там же.

довых мигрантов между субъектами РФ начиная с 2011 года, что определило период анализа. С 2013 года был добавлен раздел о периодичности возвращения трудовых мигрантов на постоянное место жительства. На основе материалов этого раздела проведена оценка миграции.

Результаты исследования

Обратимся к данным выборочного обследования рабочей силы и его потенциалу в оценке масштабов возвратной миграции. Забегая вперед, следует отметить, что выборочное обследование рабочей силы не дает нам данных об отдельных видах возвратной трудовой миграции: сложно понять, кто из работающих в других регионах может быть вахтовым работником, сезонным работником, а кто, например, маятниковым мигрантом.

Доля работающих на территории других субъектов страны в 2021 году составляла 4% от общего числа занятого населения в РФ. В динамике за 2013–2021 гг. самые пиковые значения численности работающих на территории других субъектов РФ фиксировались в 2018 и 2019 гг. (4,1% от общей численности занятого населения в РФ; *рис. 1*). Мужчины в большей степени представлены среди работающих возвратных мигрантов.

Так, в 2021 году в группе межрегиональных трудовых мигрантов доля мужского населения составила 77,1%, женского – 22,9%. Данное процентное соотношение сохраняется с 2013 года, а самые высокие показатели численности мужского населения среди межрегиональных трудовых мигрантов фиксировались в 2014 и 2015 гг. (77,7% от общего числа работающих на территории других субъектов РФ), тогда как показатели численности женского населения достигли пика в 2017 году (24,9%). В целом можно заключить, что наблюдается планомерное увеличение количества занятого населения, работающего на территории других субъектов РФ, по сравнению с 2013 годом.

Преобладание мужского населения среди работающих на территории других субъектов РФ, скорее всего, обусловлено тем, что на рынке возвратной трудовой миграции преобладают «мужские» профессии. Например, согласно аналитике, касающейся вахтового метода работы, на 82% мужских резюме приходится всего 18% женских. Однако необходимо принимать во внимание тенденцию, связанную с расширением спектра профессий. На сегодняшний день вахтовым методом организована работа не только в традиционной для нее отрасли в трудных климатических условиях – добывающей промышленности на Севере, но и в сфере услуг,

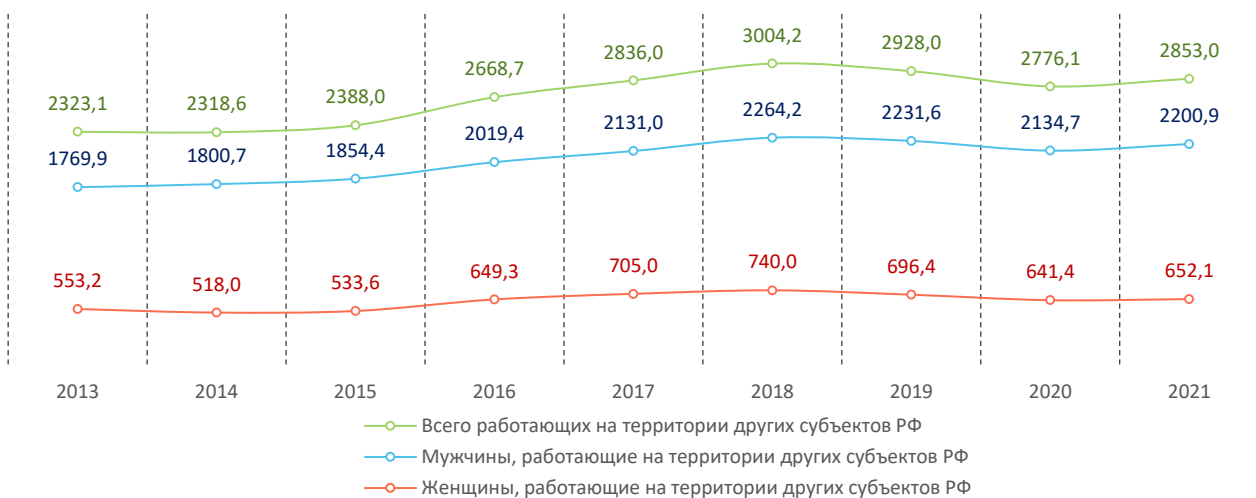

Рис. 1. Динамика структуры занятого населения в возрасте 15 лет и старше, работающего на территории другого субъекта Российской Федерации, 2013–2021 гг., тыс. чел.

Источник: Итоги выборочного обследования рабочей силы / Росстат.

URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения 22.08.2022).

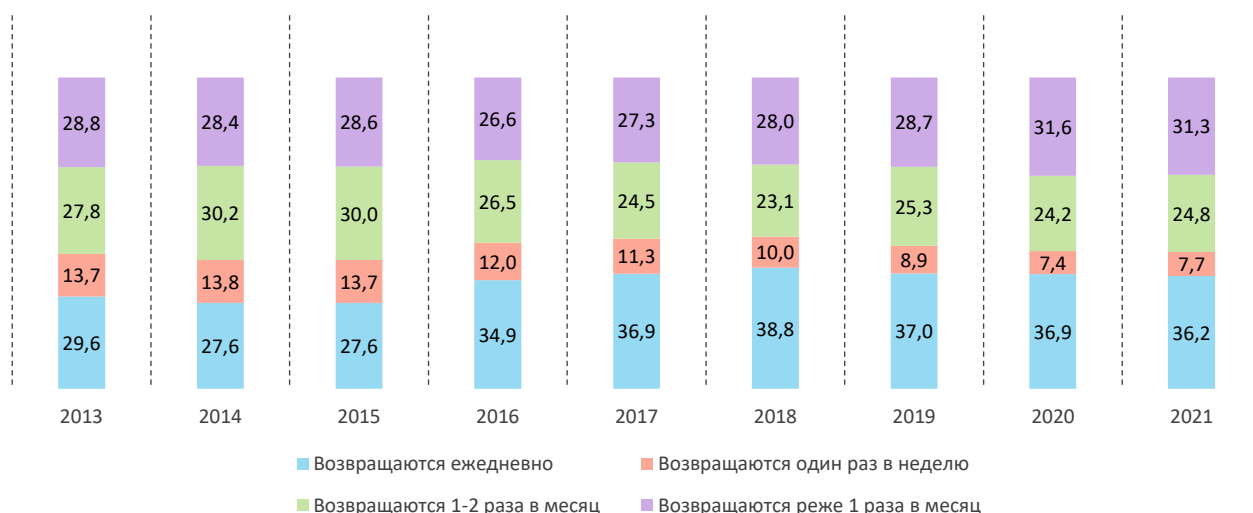

Рис. 2. Распределение занятого населения в возрасте 15 лет и старше, работающего на территории другого субъекта Российской Федерации, по периодичности возвращения домой, % от общего числа работающих на территории других субъектов РФ

Источник: Итоги выборочного обследования рабочей силы / Росстат.

URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения 22.08.2022).

например, в Краснодарском крае. Специфика работ постепенно меняет соотношение мужчин и женщин в структуре работающих на территории других субъектов РФ¹⁴. Кроме вида профессиональной деятельности на территориальную дифференциацию полового состава трудовых мигрантов влияют социокультурные нормы, которые связаны с устоявшимися гендерными представлениями о распределении профессиональных и семейных функций. Например, на Севере очень низок процент женской трудовой миграции в другие регионы, поскольку в большей степени проявляются патриархальные взгляды на женскую занятость и роль женщины в семье. В Северо-Кавказском федеральном округе присутствует диспропорция на рынке труда в целом, что обусловлено воздействием гендерных стереотипов в сфере труда и занятости, сформировавшихся за счет сильного влияния воспитания, традиций и культурных ценностей (Абдулаева, 2018). Среди женщин, практикующих работу в других регионах, в основном преобладают незамужние девушки, разведенные, вдовы или одинокие женщины в зрелом возрасте (Жидкевич, 2014).

Люди, работающие на территории других субъектов, совершают поездки с различной периодичностью. Выборочное обследование рабочей силы позволяет нам оценить динамику подобных передвижений. Наличие информации о периодичности перемещения трудовых мигрантов в другие субъекты РФ не дает нам полного права причислять их к той или иной группе возвратных мигрантов, поскольку, как уже отмечалось выше, только по периоду возвращения нельзя сделать вывод о виде миграции.

Самая большая доля трудовых перемещений между регионами приходится на перемещения, совершающиеся ежедневно (36,2%; рис. 2). Начиная с 2013 года доля такого вида трудовых перемещений увеличилась на 6,6 п. п. Это самый сильный скачок среди видов перемещений. Пиковое значение было достигнуто в 2018 году, и с тех пор данное направление трудовых перемещений имеет небольшую динамику на снижение, что может быть связано с эпидемиологической ситуацией, которая наложила ограничения на перемещения между субъектами.

Из полученных данных можно сделать вывод о том, что трудовые миграции, кото-

¹⁴ Как изменить жизнь на несколько месяцев, или Правда о вахте // Группа компаний HeadHunter. URL: <https://spb.hh.ru/article/29795>

рые завершаются возвращением на постоянное место жительства, с периодичностью один раз в неделю являются самыми малочисленными в структуре периодичности межрегиональных трудовых миграций. Начиная с 2013 года доля подобных перемещений снижается в 1,8 раза. Очевидно, что указанная периодичность возвращения является не самой удобной и выгодной в финансовом плане для работающих в другом регионе, именно поэтому численность таких перемещений сокращается. Это кажется справедливым, если предположить, что данная группа межрегиональных мигрантов может относиться к маятниковым мигрантам и подобный график имеет большие финансовые издержки, так как не предполагает организацию проживания за счет работодателя, а вынуждает индивида самостоятельно искать решение жилищного вопроса. Если же мы предположим, что возвращение один раз в неделю относится к вахтовому способу организации труда, что тоже возможно, так как ТК РФ не устанавливает минимальный срок вахты, то это может лишь свидетельствовать, что подобный график не продуктивен для работодателя, поскольку нарушает производственный процесс, а также вызывает лишние финансовые издержки, связанные с доставкой работника к месту работы, так как ТК РФ вменяет эти расходы работодателю.

Доля межрегиональных трудовых мигрантов, которые возвращаются домой реже одного раза в месяц, составляет 31,3% от общего числа работающих. В динамике эта группа также демонстрирует восходящий тренд, однако не такой значительный, как у лиц, ежедневно возвращающихся домой. Доля мигрантов, возвращающихся 1–2 раза в месяц, сократилась на 3 п. п.

Структура периодичности выездов на работу возвратных мигрантов имеет разные пропорциональные соотношения у мужчин и женщин (рис. 3). В 2021 году 62% женщин от общего количества женщин – межрегиональных трудовых мигрантов выезжали на работу в другой субъект РФ ежедневно. Доля данного вида периодичности возвращений по сравнению с 2013 годом увеличилась на

13 п. п. Такой вид трудовой миграции характерен для 29% мужчин, что в 2,1 раза меньше, чем среди занятого населения женского пола. Межрегиональных передвижений с ежедневным возвращением домой у мужчин в 2021 году также стало больше, чем в 2013 году – 23%, но все же увеличение оказалось не таким значительным, как у женщин – межрегиональных трудовых мигрантов.

Превалирующее большинство мужчин, работающих в других субъектах, возвращаются домой с периодичностью реже одного раза в месяц. Доля подобных перемещений с 2013 года выросла на 4 п. п., составив к 2021 году 36% от всего количества мужчин – межрегиональных трудовых мигрантов. Такой способ может соответствовать вахтовому способу организации труда, и если это так, то становится понятно, почему в женской популяции возвратных мигрантов процент тех, кто возвращается домой реже одного раза в месяц, в 2021 году ниже в 2,25 раза.

Среди мужчин, работающих на территории других субъектов, в 2,1 раза больше занятых, возвращающихся домой 1–2 раза в месяц, чем среди женщин. Самая немногочисленная доля и у женщин, и у мужчин приходится на возвращения домой один раз в неделю.

У мужчин, работающих в других субъектах, к 2021 году сократилась доля возвращений один раз в неделю и 1–2 раза в месяц. Все остальные виды возвращений имеют тренд на увеличение. У женщин все виды возвращений, кроме ежедневных, демонстрируют убывающий тренд. Снижение количества данных видов перемещений может говорить о том, что женщинам сложнее совмещать ежедневный быт с длительными рабочими поездками.

Далее выборочное обследование рабочей силы позволяет нам оценить объемы межрегиональных перемещений трудовых мигрантов по субъектам РФ. Восемь федеральных округов можно разделить на две крупные группы: федеральные округа, где число въезжающих на работу в субъект превышает число выезжающих на работу в другие субъекты, и федеральные округа, где

2013

а) Мужчины

2021

а) Мужчины

б) Женщины

б) Женщины

Рис. 3. Распределение занятого населения по полу в возрасте 15 лет и старше, работающего на территории другого субъекта Российской Федерации, по периодичности возвращения домой, 2013 и 2021 гг., % от общего количества мужчин и женщин

Источник: Итоги выборочного обследования рабочей силы / Росстат.

URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения 22.08.2022).

наоборот, число выезжающих превышает число въезжающих.

К первой группе регионов относятся Центральный федеральный округ, Северо-Западный федеральный округ, Уральский федеральный округ, Дальневосточный федеральный округ (табл. 1). В динамике за 2012–2021 гг. в выделенных федеральных округах имеется тенденция на увеличение доли как

выезжающих, так и выезжающих на работу в другие субъекты, что может говорить не только о миграционной привлекательности федеральных округов для трудовых мигрантов, но и о трудовой мобильности самих межрегиональных мигрантов.

Несмотря на то, что в данных федеральных округах наблюдается перевес выезжающих на работу из других регионов, ситуация

Таблица 1. Динамика межрегиональной трудовой миграции занятого населения в возрасте 15 лет и старше в ЦФО, СЗФО, УФО, ДВФО, 2012–2021 гг., % от доли занятого населения региона от 15 лет и старше

	Год										
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2012 к 2021
ЦФО											
Въезжающие на работу в субъект	6,7	6,9	6,8	6,9	8,1	8,5	9,2	8,7	8,3	8,4	+1,7
Выезжающие на работу в другие субъекты	5,0	5,0	4,9	4,9	6,2	6,5	7,2	6,7	6,4	6,4	+1,4
Сальдо межрегиональной трудовой миграции, п. п.	1,7	1,9	1,9	2,0	1,9	2,0	2,0	2,0	1,9	2,0	+0,3
СЗФО											
Въезжающие на работу в субъект	3,3	3,4	3,2	3,5	3,6	4,4	4,0	4,1	3,9	4,0	+0,7
Выезжающие на работу в другие субъекты	2,7	2,7	2,6	2,9	2,8	3,6	3,2	3,2	3,1	3,2	+0,5
Сальдо межрегиональной трудовой миграции, п. п.	0,6	0,7	0,6	0,6	0,8	0,8	0,8	0,9	0,8	0,8	+0,2
УФО											
Въезжающие на работу в субъект	5,1	5,2	5,6	5,9	6,0	6,5	6,5	6,5	6,8	6,9	+1,8
Выезжающие на работу в другие субъекты	1,1	1,2	1,2	1,3	1,4	1,5	1,6	1,7	1,7	1,7	+0,6
Сальдо межрегиональной трудовой миграции, п. п.	4,0	4,0	4,4	4,6	4,6	5,0	4,9	4,8	5,1	5,2	+1,2
ДВФО											
Въезжающие на работу в субъект	1,7	1,9	1,9	2,3	2,5	2,8	2,3	2,8	2,9	2,8	+1,1
Выезжающие на работу в другие субъекты	0,9	0,8	0,9	0,9	1,0	0,9	1,3	1,3	1,3	1,2	+0,3
Сальдо межрегиональной трудовой миграции, п. п.	0,8	1,1	1,0	1,4	1,5	1,9	1,0	1,5	1,6	1,6	+0,8

Источник: Итоги выборочного обследования рабочей силы / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения 22.08.2022).

внутри самих округов весьма неравномерная, поскольку прослеживается сильная территориальная дифференциация в миграционной привлекательности регионов.

ЦФО характеризуется самой высокой долей въезжающих на работу в субъект среди всех других федеральных округов, но также и самой высокой долей выезжающих. Все области, входящие в состав ЦФО, демонстрируют превышение выбывших межрегиональных мигрантов над количеством прибывших, что и обуславливает высокие показатели выбывших в целом по федеральному округу. Количество выбывающих компенсируется только в г. Москве, где число въезжающих на работу (от общей численности занятого населения г. Москвы) больше на 20,4 п. п., чем число выбывающих на работу в другие субъекты.

В СЗФО разница между долями въезжающих и выезжающих на работу в другие субъекты составляет 0,8 п. п. Республика Коми, Архангельская область (с НАО), Калининградская область, Мурманская область и г. Санкт-

Петербург обладают положительным сальдо межрегиональной миграции, следовательно, притягивают трудовых мигрантов из других регионов. Ненецкий автономный округ имеет самую высокую долю въезжающих трудовых мигрантов по округу (24% от общей численности занятого населения региона), что косвенно может обуславливаться достаточно высокой занятостью в сфере добычи нефти и газа (Ловдин, 2021; Соколова, Лялина, 2021).

Доля въезжающих на работу в УФО в 4 раза превышает долю выезжающих на работу в другие субъекты. Это самый большой разрыв среди первой группы федеральных округов, что может свидетельствовать о более высокой степени устойчивости связи с местом работы у трудовых мигрантов, которая позволяет закрепиться на рабочем месте лицам из других регионов. Самые высокие показатели прибытий с целью работы присущи Ханты-Мансийскому и Ямало-Ненецкому автономным округам – крупным центрам промышленного производства Сибири.

Еврейская автономная область, Приморский и Забайкальский края, Республика Бурятия в составе ДВФО являются субъектами, которые отличаются превышением доли выезжающих на работу в другие регионы. Остальные 6 субъектов по показателю прибытий имеют достаточно высокую долю по сравнению с выбытиями. В отношении Чукотского автономного округа статистика предоставляет данные только по прибытиям, информация о выбытиях из автономного округа отсутствует.

Ко второй группе относятся следующие регионы: Южный федеральный округ, Северо-Кавказский федеральный округ, Приволжский федеральный округ, Сибирский федеральный округ (табл. 2). Доля выбытий в них превышает долю прибытий, что может свидетельствовать о незначительной тенденции на увеличение доли прибытий в эти федеральные округа.

Единственным федеральным округом, характеризующимся тенденцией на снижение доли прибывающих на работу в субъект,

является ЮФО. Только в Краснодарском крае наблюдается преобладание числа въезжающего занятого населения из других субъектов РФ. Благоприятные климатические условия, присоединение Республики Крым, в состав которой входит город федерального значения Севастополь, в 2014 году никак не повлияли на увеличение доли въезжающих в данный федеральный округ.

В выделенной группе федеральных округов ПФО обладает самыми высокими значениями доли выбывших межрегиональных мигрантов и самым значительным разрывом между долями въезжающих и выезжающих, что, в свою очередь, может говорить о его непривлекательности в плане работы для трудовых мигрантов из других регионов. Из всех входящих в состав округа субъектов только в Республике Татарстан имеется прирост числа межрегиональных трудовых мигрантов. Это можно объяснить тем, что республика является одним из самых технологически развитых нефтегазохимических центров страны (Черкасова, Журавлева, 2022).

Таблица 2. Динамика межрегиональной трудовой миграции занятого населения в возрасте 15 лет и старше в ЮФО, СКФО, ПФО, СФО, 2012–2021 гг., % от доли занятого населения региона от 15 лет и старше

	Год										
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2012 к 2021
ЮФО											
Въезжающие на работу в субъект	1,6	1,9	1,6	1,3	1,2	1,3	1,4	1,4	1,3	1,3	-0,3
Выезжающие на работу в другие субъекты	2,5	2,7	2,9	2,6	2,7	2,6	2,7	2,5	2,3	2,6	+0,1
Сальдо межрегиональной трудовой миграции, п. п.	-0,9	-0,8	-1,3	-1,3	-1,5	-1,3	-1,3	-1,1	-1,0	-1,3	-0,4
СКФО											
Въезжающие на работу в субъект	0,6	0,5	0,6	0,6	0,5	0,5	0,5	0,6	0,6	0,7	+0,1
Выезжающие на работу в другие субъекты	2,4	2,7	2,6	2,8	2,1	2,6	2,6	2,9	3,7	3,3	+0,9
Сальдо межрегиональной трудовой миграции, п. п.	-1,8	-2,2	-2,0	-2,2	-1,6	-2,1	-2,1	-2,3	-3,1	-2,6	-0,8
ПФО											
Въезжающие на работу в субъект	0,6	0,6	0,7	0,7	0,7	0,6	0,7	0,8	0,6	0,8	+0,2
Выезжающие на работу в другие субъекты	3,7	3,9	3,9	4,2	4,1	4,4	4,5	4,7	4,4	4,5	+0,8
Сальдо межрегиональной трудовой миграции, п. п.	-3,1	-3,3	-3,2	-3,5	-3,4	-3,8	-3,8	-3,9	-3,8	-3,7	-0,6
СФО											
Въезжающие на работу в субъект	0,6	0,6	0,7	0,8	0,9	0,8	1,1	1,1	1,1	1,1	+0,5
Выезжающие на работу в другие субъекты	1,4	1,5	1,5	1,6	1,9	2,0	2,2	2,3	2,2	2,3	+0,9
Сальдо межрегиональной трудовой миграции, п. п.	-0,8	-0,9	-0,8	-0,8	-1,0	-1,2	-1,1	-1,2	-1,1	-1,2	-0,4
Источник: Итоги выборочного обследования рабочей силы / Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265 (дата обращения 22.08.2022).											

Неустойчивая динамика доли выезжающих межрегиональных мигрантов наблюдается в СКФО. В целом доля данного показателя с 2012 года увеличилась на 0,9 п. п., однако кривая имеет и низкие пиковые значения (2,1% в 2016 году), и высокие (3,7% в 2020 году). Чеченская Республика и Республика Ингушетия являются наиболее привлекательными, в связи с чем в них фиксируется прирост межрегиональных трудовых мигрантов. Крупные предприятия химической, пищевой, нефтегазовой и иной промышленности располагаются в других субъектах СКФО, однако не делают их привлекательными. Наоборот, в республиках Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия – Алания и Ставропольском крае наблюдается сильный отток работающих в другие субъекты. Скорее всего, это обусловлено неустойчивостью промышленного развития регионов СКФО, вследствие чего оно может быть неоднородным (Еделев, Нагоев, 2015).

Планомерный рост доли выезжающих характерен для СФО: в динамике данный показатель увеличился на 0,9 п. п. В СФО динамика числа въезжающих на работу из других субъектов демонстрирует большее, чем в ЮФО, СКФО, ПФО, увеличение. В рассматриваемом федеральном округе самая высокая доля выезжающих работать в другие субъекты (6,5% от общей численности занятого населения региона) и самая маленькая доля въезжающих на работу в регион наблюдается в Омской области (0,2%). Самая высокая доля въезжающих на работу мигрантов из других регионов приходится на Красноярский край и Республику Алтай. Однако Республика Алтай, в отличие от Красноярского края, показывает и достаточно высокие значения убывающих, что дает отрицательное сальдо межрегиональной миграции по данному региону.

Подобное разделение федеральных округов на две группы позволит в дальнейшем провести анализ факторов, которые привлекают и отталкивают возвратных трудовых мигрантов, и усовершенствовать регулирование межрегиональной миграции.

Это важно для перераспределения трудовых ресурсов, планирования производственных мощностей, что в долгосрочной перспективе приведет к снижению дифференциации регионов по уровню социально-экономического развития.

Заключение

Теоретическая значимость исследования состоит в анализе представлений о возвратной трудовой миграции, в частности ее видов, таких как маятниковая трудовая миграция и вахтовый способ организации труда, существующих в российской и зарубежной литературе.

Явление возвратной трудовой миграции трактуется в отечественной и зарубежной литературе по-разному – от репатриации (Baptista, 2017) и возвращения в место постоянного проживания после долгого отсутствия (Габдрафикова, 2018; Цыренов, Мадиева, 2017) до результата неудачного миграционного опыта, который не принес ожидаемой пользы (Cassarino, 2004). Мы придерживались мнения о том, что возвратная трудовая миграция – это миграционные перемещения, связанные с работой вне места постоянного проживания, осуществляемые с различной периодичностью (Батырева, 2017). Подобное определение и сами статистические материалы не позволяют нам вычлнить конкретные виды возвратной миграции, которую можно назвать «новым отходничеством» (Жидкевич, 2017) – понятием, вбирающим в себя все разновидности подобных перемещений: от вахты до маятниковой миграции.

Возвратная трудовая миграция – не только явление, затрагивающее способы организации труда и социально-экономическую деятельность в регионах, но и особый порядок организации жизни людей. Игнорировать его последствия нельзя, так как оно имеет отсроченный эффект, выражающийся в территориально опосредованной депопуляции и стагнации регионов. Возвратная трудовая миграция ослабляет бюджетный потенциал региона, поскольку, работая и получая заработную плату в других субъектах, трудовые

возвратные мигранты обогащают налогами бюджет того административного объекта, в котором работают, а не проживают.

В настоящее время существует ограниченное число источников статистической информации о возвратных перемещениях трудовых мигрантов. Выборочное обследование рабочей силы позволило нам получить общую картину, касающуюся возвратной межрегиональной миграции.

Теоретическая значимость исследования обусловлена анализом федеральных округов по критерию миграционной привлекательности для трудовых межрегиональных мигрантов. Также были получены представления об объеме и динамике межрегиональной трудовой миграции, половом составе группы межрегиональных трудовых мигрантов, выявлены различия в периодичности возвращения домой у женщин и мужчин. Проведенный статистический анализ позволил разделить федеральные округа на две группы. К первой группе относятся федеральные округа, которые являются более миграционно привлекательными для трудовых мигрантов из других регионов, где количество въездов превышает количество выездов из региона. Во вторую группу входят округа, где количество выездов превышает количество въездов. Ситуация в регионах внутри федеральных округов может иметь отличную от общеокружной тенденцию. Так, например, в ЦФО наблюдается миграционный прирост межрегиональных трудовых мигрантов, но фактически такое положение обуславливается колоссальным притяжением мигрантов из других субъектов Федерации в г. Москву, а все остальные субъекты округа без исключения демонстрируют отрицательное сальдо миграции.

Выбор того или иного региона межрегиональным трудовым мигрантом может быть обусловлен давно укоренившимися связями: некоторые территории в большей или меньшей степени обладают устоявшейся базой рабочих мест, удовлетворяющих спрос возвратных мигрантов. Однако наличие крупных промышленных центров не всегда является фактором привлекательности.

Наиболее распространенными видами периодичности возвращения домой являются ежедневные и возвращения домой реже одного раза в месяц. Их востребованность в динамике демонстрирует возрастающий тренд. Возвратная миграция в большей степени присуща мужской части межрегиональных мигрантов, что может быть связано с тяжелым характером труда и большей мобильностью мужчин, устоявшимися гендерными представлениями о распределении профессиональных и семейных функций. Возможно, среди женщин более распространены ежедневные возвращения домой, а у мужчин спросом пользуются более длительные поездки на работу.

Серьезным ограничением в понимании масштабов возвратной миграции является то, что в данных выборочного обследования рабочей силы присутствует информация только о межрегиональных перемещениях трудовых мигрантов. Множество перемещений осуществляется из пригородных зон крупных городов, из сельской местности и в пределах одного региона. Коллаборация с представителями работодателя в части сбора расширенного пакета данных посредством формализованного учета внесла бы значительный вклад в исследование феномена «нового отходничества» и выявление новых черт социально-демографического портрета возвратного мигранта.

Важно понимать, что не только количество мигрантов имеет большое значение в вопросе стабилизации экономики регионов. Уровень подготовки, квалификации трудовых ресурсов и эффективность их распределения смогут выступить в качестве регулирующего фактора в нестабильных ситуациях на рынке труда, нивелируя территориальные различия, вызванные нехваткой рабочей силы.

Полученные результаты могут представлять практический интерес для исследователей в области демографии, миграции и социологии, а также представителей органов власти, реализующих миграционную и социальную политику.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдулаева З.З. (2018). Влияние гендерных стереотипов на формирование рынка труда и занятости // Региональные проблемы преобразования экономики. № 8 (94). С. 129–137. DOI: 10.26726/1812-7096-2018-8-129-137
- Аверкиева К.В., Антонов Е.В., Кириллов П.Л. [и др.] (2016). Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России. Москва: Новый хронограф. 504 с. DOI: 10.15356/ВНАН2016
- Акишина М.А., Фанненштиль А.А. (2013). Формирование баланса трудовых ресурсов сельской местности в условиях роста маятниковой трудовой миграции // Вестник Алтайского гос. аграрного ун-та. № 11. С. 152–156.
- Ахметова (Хилажева) Г.Ф. (2022). Субъекты РФ в межрегиональной трудовой миграции: уровень участия, причины и факторы // ДЕМИС. Демографические исследования. Т. 2. № 2. С. 76–89. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.6>
- Батырева М.В., Селезнева Т.А. (2017). Об опыте изучения внутренней возвратной трудовой миграции на региональном и городском уровне // Вестник Тюменского гос. ун-та. Социально-экономические и правовые исследования. Т. 3. № 3. С. 45–57. DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-3-45-57
- Бедрина Е.Б., Козлова О.А., Ишуков А.А. (2018). Методические вопросы оценки маятниковой миграции населения // *Ars administrandi* (искусство управления). Т. 10. № 4. С. 631–648. DOI: 10.17072/2218-9173-2018-4-631-648
- Габдрафикова Л.Р. (2018). «Новые люди» Закавказья: возвратная миграция и сельская повседневность XIX – начала XX века // Российское крестьянство и сельское хозяйство в контексте региональной истории: мат-лы VII Всерос. (XV региональной) с междунар. участием конф. историков-аграрников среднего Поволжья / Министерство образования и науки Российской Федерации, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», Российское общество исследователей экономической истории, Марийское региональное отделение Российского общества историков-архивистов. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т. С. 188–194.
- Еделев Д.А., Нагоев А.Б. (2015). Состояние и направления реструктуризации отраслей промышленности в СКФО // Вестник Северо-Осетинского гос. ун-та им. К.Л. Хетагурова. Сер.: Общественные науки. № 1. С. 157–162.
- Жидкевич Н.Н. (2014). Региональные различия внутренней возвратной трудовой миграции // Общественные науки. Социология. № 1 (29). С. 109–118.
- Жидкевич Н.Н. (2017). Современные отходники севера и юга европейской части России // Крестьяноведение. № 3. С. 97–107.
- Заславская Т.И. (1969). Методологические проблемы оптимизации миграции сельского населения // Миграция сельского населения: цели. Задачи и методы регулирования / под ред. Т.И. Заславской. Новосибирск: ИЭ и ОПП СО АН СССР. С. 3–38.
- Зенченко С.В., Вартанова М.Л. (2013). Взаимосвязь и взаимодействие миграции населения и трудового потенциала // Региональные проблемы преобразования науки. № 2 (36). С. 293–299.
- Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. (2016). Межрегиональная миграция в России: возрастные особенности // Демографическое обозрение. Т. 3. № 4. С. 47–65.
- Лексин В.Н. (2021). Новое отходничество и вахтовая организация труда в процессах депопуляции и заселения территорий // Регион: экономика и социология. № 3 (111). С. 133–153. DOI: 10.15372/REG20210306
- Ловдин Е.Н. (2021). Анализ социально-экономического развития муниципальных образований арктической зоны Российской Федерации (на примере Архангельской области) // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. № 1 (65). URL: <https://eee-region.ru/article/6514>. DOI: 10.24412/1999-2645-2021-165-14
- Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. (2019). Жители малых и средних городов России: трудовая миграция как альтернатива безвозвратному отъезду // Журнал Новой экономической ассоциации. № 3 (43). С. 78–94. DOI: <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2019-43-3-4>
- Плюснин Ю.М. (2019). Российское отходничество: вехи многовековой истории // ЭКО. № 11 (545). С. 94–115. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2019-11-94-115
- Рязанцев С.В. (2014). Новые формы временной эмиграции из России // Наука. Инновации. Технологии. № 2. С. 81–93.

- Соколова Ф.Х., Лялина А.В. (2021). Миграционная привлекательность приморской зоны Северо-Запада России: локальные градиенты // Балтийский регион. № 13 (4). С. 54–78. DOI: 10.5922/2079-8555-2021-4-4
- Таборисская И.М. (1979). Маятниковая миграция населения Москва: Статистика. 176 с.
- Туракаев М.С. (2021). Временная трудовая миграция в России: актуальные вопросы и социологические исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. № 24 (4). С. 34–58. DOI: 10.31119/jssa.2021.24.4.2
- Хорев Б.С., Смолина Т.К., Вишневский А.Г. (1970). Маятниковая миграция в СССР и ее изучение // Проблемы миграции населения и трудовых ресурсов. Москва: Статистика. С. 100–112.
- Цыренов Д.Д., Мадиева М.Г. (2017). Особенности возвратной миграции молодежи в Республику Бурятия // Вестник Бурятского гос. ун-та. Экономика и менеджмент. № 1. С. 54–58. DOI: 10.18101/2304-4446-2017-1-54-58
- Черкасова Е.И., Журавлева М.В. (2022). Подготовка инженерных кадров для устойчивого развития регионального нефтегазохимического комплекса // Управление устойчивым развитием. № 1 (38). С. 105–111. DOI: 10.55421/2499992x_2022_1_105
- Шитова Ю.Ю. (2016). ГИС-мониторинг маятниковой трудовой миграции как задача регионального управления // Современные технологии управления. № 2 (62). С. 49–60.
- Baptista E.A., Campos J., Rigotti J.I.R. (2017). Return migration in Brazil. *Mercator*, 16, 1–18. DOI: <https://doi.org/10.4215/rm2017.e16010>
- Cassarino J.-P. (2004). Theorising return migration: the conceptual approach to return migrants revisited. *International Journal on Multicultural Societies, UNESCO*, 6 (2), 253–279.
- Costa G., Pickup L., Di Martino V. (1988). Commuting—a further stress factor for working people: Evidence from the European community. *International Archives of Occupational and Environmental Health*, 60 (5), 377–385. DOI: 10.1007/bf00405674
- McKenzie F.H. (2016). *Labour Force Mobility in the Australian Resources Industry: Socio-Economic and Regional Impacts*. DOI: 10.1007/978-981-10-2018-6
- Nicholas C., Welters R. (2017). What drives long distance commuting into Australian regions? A spatial panel model approach. *Journal of Rural Studies*, 49, 140–150. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2016.11.016>
- Öhman M., Lindgreen U. (2003). Who are the long-distance commuters? *Patterns and Driving Forces in Sweden. European Journal of Geography*, 243, 1–33. DOI: <https://doi.org/10.4000/cybergeog.4118>
- Paredes D., Diaz J.D.S., Fleming-Muñoz D.A. (2017). Wage compensation for fly-in/fly-out and drive-in/drive-out commuters. *Papers in Regional Science*, 97 (4), 1337–1357. DOI: <https://doi.org/10.1111/pirs.12296>
- Pérez-Trujillo M., Oyarzo Aguilar M., Paredes Araya D. (2020). Long-distance commuting and the effect of differentiated salary expectations in the commuters' place of living on the wage obtained in the place of working. *The Annals of Regional Science*, 65, 459–489. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00168-020-00991-7>
- Rae A.J. (2015). Mapping the American Commute: From mega-regions to mega commutes. *Working Paper*. Department of Urban Studies & Planning, University of Sheffield.
- Storey K. (2001). Fly-in/fly-out and fly-over: Mining and regional development in Western Australia. *Australian Geographer*, 32 (2), 133–148.
- Zelinsky W. (1971). The hypothesis of the mobility transition. *Geographical review*, 61 (2), 219–249.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анастасия Алексеевна Соколова – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: anastasia.alekseevna.ran@yandex.ru)

Sokolova A.A.

RETURN LABOR MIGRATION IN RUSSIA: SCALE AND TRENDS

One of the leading causes of population mobility is labor migration. Return labor migration types can act as a tool to reduce territorial differences in the labor market, as well as to increase the homogeneity of socio-economic development of Russia's entities. Studying the return labor migration is a necessary condition for the sustainable development of territories. The purpose of the article is to analyze the internal interregional labor migration in Russia, its scale and flow parameters. We conduct the study on the basis of statistical data on the migration movement of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation. Rosstat has been monitoring the movements of labor migrants between Russia's entities since 2011. Since 2013, Rosstat considers the information on the frequency of return of labor migrants to permanent residence. As a result of the conducted research, we have found that, since 2013, the number of internal interregional labor migrants has increased. The gender structure of interregional internal labor migrants is characterized by a disproportion: the number of men exceeds the number of women. In general, the most common are daily labor interregional movements, as well as returns to permanent residence at least once a month. Women more often make daily trips to work in other regions of RF, and men more often practice returning home less than once a month. We have identified two groups of federal districts: the first group includes federal districts with a positive balance of internal labor interregional migration, which may mean greater territorial attractiveness for internal interregional labor migrants; the second group of federal districts is characterized by an excess of the number of people leaving for work in other entities over the number of people entering, which indicates that internal interregional labor migrants are not fixed in these federal districts and do not create stable working relationships.

Migration, return migration, temporary migration, internal migration, interregional labor migration, shift method, pendulum migration.

REFERENCES

- Abdulaeva Z.Z. (2018). The influence of gender stereotypes on forming the labor and employment market. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki*, 8(94), 129–137. DOI: 10.26726/1812-7096-2018-8-129-137 (in Russian).
- Akhmetova (Khilazheva) G.F. (2022). Russian regions in interregional labor migration: Level of participation, causes and factors. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya=DEMIS. Demographic Research*, 2(2), 76–89. DOI: 10.19181/demis.2022.2.2.6 (in Russian).
- Akishina M.A., Fannenshtil' A.A. (2013). Formation of the balance of rural labor resources in the context of the growth of pendulum labor migration. *Vestnik altaiskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 11, 152–156 (in Russian).
- Averkiova K.V., Antonov E.V., Kirillov P.L. et al. (2016). *Mezhdum domom i... domom. Vozvratnaya prostranstvennaya mobil'nost' naseleniya Rossii* [Between Home and... Home. Recurrent Spatial Mobility of the Russian Population]. Moscow: Novyi khronograf. DOI: 10.15356/BHAH2016 (in Russian).
- Baptista E.A., Campos J., Rigotti J.I.R. (2017). Return migration in Brazil. *Mercator*, 16, 1–18. DOI: 10.4215/rm2017.e16010
- Batyreva M.V. (2017). About the experience of studying internal return labor migration at the regional and urban level. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya=Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 3(3), 45–57. DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-3-45-57 (in Russian).
- Bedrina E.B., Kozlova O.A., Ishukov A.A. (2018). Methodology aspects in estimating commuting of the population. *Ars Administrandi*, 10(4), 631–648. DOI: 10.17072/2218-9173-2018-4-631-648 (in Russian).
- Cassarino J-P. (2004). Theorising return migration: The conceptual approach to return migrants revisited. *International Journal on Multicultural Societies, UNESCO*, 6(2), 253–279.

- Cherkasova E.I., Zhuravleva M.V. (2022). Training of engineering personnel for the sustainable development of the regional petrochemical complex. *Upravlenie ustoychivym razvitiem=Managing Sustainable Development*, 1(38), 105–111. DOI: 10.55421/2499992x_2022_1_105 (in Russian).
- Costa G., Pickup L., Di Martino V. (1988). Commuting—a further stress factor for working people: Evidence from the European community. *International Archives of Occupational and Environmental Health*, 60(5), 377–385. DOI: 10.1007/bf00405674
- Edelev D.A., Nagoev A.B. (2015). State and the directions of restricting of industries in North Caucasus federal district. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K. L. Khetagurova obshchestvennye nauki=Bulletin of North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov*, 1, 157–162 (in Russian).
- Gabdrafikova L.R. (2018). “New people” of the Zakazanya: Return migration and rural everyday life of the 19th – early 20th centuries. Russian peasantry and agriculture in the context of regional history. In: *Materialy VII Vserossiiskoi (XV regional'noi) s mezhdunarodnym uchastiem konferentsii istorikov-agrarnikov srednego Povolzh'ya* [Materials of the 7th All-Russian (15th regional) Conference of Agricultural Historians of the Middle Volga Region with International Participation]. Yoshkar-ola: Mariiskii gosudarstvennyi universitet (in Russian).
- Karachurina L.B., Mkrtchyan N.V. (2016) Interregional migration in Russia: Age characteristics. *Demograficheskoe obozrenie=Demographic Review*, 3(4), 47–65 (in Russian).
- Khorev B.S., Smolina T.K., Vishnevskii A.G. (1970). Pendulum migration to the USSR and its study. In: *Problemy migratsii naseleniya i trudovykh resursov* [Problems of Migration of Population and Labor Resources]. Moscow: Statistika (in Russian).
- Leksin V.N. (2021). New othodnichestvo and shift labor organization in the processes of depopulation and settlement of territories. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya=Region: Economics and Sociology*, 3(111), 133–153. DOI: 10.15372/REG20210306 (in Russian).
- Lovdin E.N. (2021). Analysis of socio-economic development municipalities of the Arctic zone of the Russian Federation (on the example of Arkhangelsk region). *Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyi nauchnyi zhurnal=Regional Economy and Management: Electronic Scientific Journal*, 1(65). Available at: <https://eee-region.ru/article/6514/>. DOI: 10.24412/1999-2645-2021-165-14 (in Russian).
- McKenzie F.H. (2016). *Labour Force Mobility in the Australian Resources Industry: Socio-Economic and Regional Impacts*. Springer Science + Business Media. DOI: 10.1007/978-981-10-2018-6
- Mkrtchyan N.V., Florinskaya Yu.F. (2019). Residents of small and mid-size towns of Russia: Labor migration as an alternative to permanent transfer. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii=The Journal of the New Economic Association*, 3(43), 78–94. DOI: 10.31737/2221-2264-2019-43-3-4 (in Russian).
- Nicholas C., Welters R. (2017). What drives long distance commuting into Australian regions? A spatial panel model approach. *Journal of Rural Studies*, 49, 140–150. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2016.11.016
- Öhman M., Lindgreen U. (2003). Who are the long-distance commuters? Patterns and driving forces in Sweden. *European Journal of Geography*, 243, 1–33. DOI: 10.4000/cybergeo.4118
- Paredes D., Diaz J.D.S., Fleming-Muñoz D.A. (2017). Wage compensation for fly-in/fly-out and drive-in/drive-out commuters. *Papers in Regional Science*, 97(4), 1337–1357. DOI: 10.1111/pirs.12296
- Pérez-Trujillo M., Oyarzo Aguilar M., Paredes Araya D. (2020). Long-distance commuting and the effect of differentiated salary expectations in the commuters' place of living on the wage obtained in the place of working. *The Annals of Regional Science*, 65, 459–489. DOI: 10.1007/s00168-020-00991-7
- Plusnin Yu.M. (2019). Russian okhodnichestvo: Milestones of a centuries-old history. *EKO=ECO*, 11(545), 94–115. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-11-94-115 (in Russian).
- Rae A.J. (2015). Mapping the American Commute: From mega-regions to mega commutes. *Working Paper. Department of Urban Studies & Planning, University of Sheffield*, 17.
- Ryazantsev S.V. (2014). New forms of temporary emigration from Russia. *Nauka. Innovatsii. Tekhnologii*, 2, 81–93 (in Russian).
- Shitova Yu.Yu. (2016). GIS monitoring pendulum labor migration as a problem of regional governance. *Sovremennye tekhnologii upravleniya=Modern Management Technology*, 2(62), 49–60 (in Russian).
- Sokolova F.Kh., Lyalina A.V. (2021). Migration attractiveness of the coastal zone of Russia's north-west: Local gradients. *Baltiiskii region=Baltic Region*, 13(4), 54–78. DOI: 10.5922/2079-8555-2021-4-4 (in Russian).
- Storey K. (2001). Fly-in/fly-out and fly-over: Mining and regional development in Western Australia. *Australian Geographer*, 32(2), 133–148.

- Taborisskaya I.M. (1979). *Mayatnikovaya migratsiya naseleniya* [Pendulum Migration of the Population]. Moscow: Statistika.
- Tsyrenov D.D., Madieva M.G. (2017). The features of youth return migration in the Republic of Buryatia. *Vestnik buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika i menedzhment=BSU Bulletin. Economy and Management*, 1, 54–58. DOI: 10.18101/2304-4446-2017-1-54-58 (in Russian).
- Turakayev M.S. (2021). Temporary labor migration in Russia: Topical issues and sociological research. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii=The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 24(4), 34–58. DOI: 10.31119/jssa.2021.24.4.2 (in Russian).
- Zaslavskaya T.I. (1969). Methodological problems of optimization of rural population migration. In: *Migratsiya sel'skogo naseleniya: tseli. Zadachi i metody regulirovaniya* [Rural Population Migration: Goals. Tasks and Methods of Regulation]. Novosibirsk: IE i OPP SO AN SSSR (in Russian).
- Zelinsky W. (1971). The hypothesis of the mobility transition. *Geographical Review*, 61(2), 219–249.
- Zenchenko S.V., Vartanova M.L. (2013). Interrelation and interaction of population migration and labor potential. *Regional'nye problemy preobrazovaniya nauki*, 2(36), 293–299 (in Russian).
- Zhidkevich N.N. (2014). Regional differences of internal labor migration. *Obshchestvennye nauki. Sotsiologiya=Social Sciences. Sociology*, 1(29), 109–118 (in Russian).
- Zhidkevich N.N. (2017). Today's migrant workers in the north and south of European Russia. *Krest'yanovedenie=Russian Peasant Studies*, 3, 97–107 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anastasiya A. Sokolova – Junior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: anastasia.alekseevna.ran@yandex.ru)